

честве внука Дмитрия Михайловича отсутствует, в других – есть. В публикации Н.М. Кургановой, описавшей надгробную плиту кн. Василия Пожарского, дата его смерти была прочтена как 1620 г., вследствие чего возникла неизвестная личность, спустя 20 лет подарившая колокол монастырю. Л.А. Беляеву удалось уточнить текст на плите: оказалось, что кн. Василий умер в 1640 г., а его отец, кн. Петр Дмитриевич, сын Д.М. Пожарского, видимо, отлил колокол, сделав богатый вклад в монастырь от имени младенца.

Всесторонне изучив надгробные доски некрополя и определив, что четыре доски вышли из одной мастерской, хотя люди, захороненные под ними, умерли в течение 50 с лишним лет, Л.А. Беляев пришёл к абсолютно верному выводу о времени переоформления комплекса гробниц – моменте захоронения любимого сына Дмитрия Михайловича Фёдора в 1632 г. Тогда же князь, возможно, возвёл «палатку» – наземную усыпальницу – и перезахоронил там родителей. Гипотеза укладывается в типологическую картину: известны и другие переоформления родовых некрополей знатными и влиятельными персонами этого периода (с. 92).

Таким образом, книга Л.А. Беляева – исключительно полезная, тщательная и комплексная работа, без которой в дальнейшем не обойдётся ни одно серьёзное исследование Смутного времени.

Ю.М. Эскин

Примечания

¹ Денисова М.И. Палаш М.В. Скопина-Шуйского и сабля Д.М. Пожарского // Труды ГИМ. Памятники культуры. Вып. XIX. Именное и художественное холодное оружие XVII–XIX вв. М., 1956. С. 11.

² Wilkojc E. Siedemnastowieczny obraz Stanislaw Zolkiewski przedstawia Zygmuntowi III i krolewiczowi Wladislawowi na seime w 1611 roku poimanych carow Szujskich z Lwowskiego Muzeum Historycznego w swetle badan konserwatorskich // Hold carow Szujskich / Pod red. J. Chroszcickiego, M. Nagielskiego. Warszawa, 2012. P. 167–169. Ill. 13–16.

³ Беляев Л.А. О датах смерти Е.Ф. Пожарской и В.П. Пожарского. Эпиграфические заметки // Российская археология. 2009. № 1. С. 162–165.

⁴ Антонов А.В. Частные архивы русских феодалов X–XVII вв. // Русский дипломатарий. Вып. 8. М., 2002. С. 317.

⁵ РГАДА, ф. 1209 («Поместный приказ»), оп. 4, д. 5979, л. 102 об.–103.

⁶ Эскин Ю.М. Завещание князя Дмитрия Пожарского // Отечественная история. 2000. № 1. С. 143–144.

⁷ Курганова Н.М. Надгробные плиты усыпальницы кн. Пожарских и Хованских в Спасо-Евфимьевом монастыре // Памятники культуры. Новые открытия. 1993. М., 1994. С. 397–403; она же. Страницы истории некрополя города Суздаля. М., 2007.

⁸ Макарий, архимандрит. Памятники церковных древностей. Н. Новгород, 1999. С. 524. Текст уточнён по подлиннику директором Городецкого музея З.С. Коноваловой, которой приношу глубокую благодарность.

И.А. Шеин. Война 1812 года в отечественной историографии. М.: Научно-политическая книга, 2013. 462 с.

Прошедший 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 года вызвал к жизни огромный поток литературы, посвящённой различным вопросам той достославной эпохи – военным, политическим, общественным, экономическим, религиозным. Исследовались не только сами события, явления и процессы, но и их отражение в общественном сознании, взгляд на войну во время её юбилеев, апелляции к ней в годы последующих военных катаклизмов, наконец, сама ис-

торическая память народа. Юбилей как бы подвёл итоги многолетнего изучения Отечественной войны 1812 года в России и показал наличие неистощимого потенциала современной исторической науки.

Итоги этого исследования оказались наглядно представленными в развернутой и сбалансированной монографии И.А. Шеина, ставшей самым представительным трудом по историографии этой войны за всю историю её изучения. Интересно, что автор не только обстоятельно

излагает все перипетии изучения Отечественной войны 1812 года российскими историками на протяжении 200 лет, но и подробно рассказывает о драматических, а порой и трагических страницах их исследовательской работы, связанных с борьбой общественно-идеологических взглядов в разные политические времена.

Главным положительным качеством рецензируемого труда является в целом объективная оценка различных общественно-идеологических тенденций в развитии историографии войны 1812 г., а также конкретных работ отечественных историков. Автору в какой-то степени удаётся предстать своеобразным третейским судьей при рассмотрении наиболее спорных исследований об этом событии. При этом взвешенность и объективность не мешают ему высказывать свою позицию по тому или иному вопросу темы или историческому произведению. Передавая суть различных взглядов исследователей по дискуссионным вопросам и уточнив существо спора, он часто предоставляет читателю самому оценить правоту или доказанность той или иной позиции.

И.А. Шеин даёт достаточно чёткую периодизацию историографии Отечественной войны 1812 года, выявляет различные научные течения в каждый из её периодов, прослеживает зависимость историографических процессов от политической и общественной российской конъюнктуры. Одним из наиболее интересных и драматичных периодов отечественной историографии войны 1812 г. является переориентация руководства Советского государства в конце 1930-х гг., в преддверии войны с Германией, от огульного отрицания дореволюционной военной истории к поиску в ней опор военно-патриотического воспитания. А официальная трактовка неудач Красной армии в начале Второй мировой войны как нельзя точно легла на интерпретации первого периода Отечественной войны 1812 года, идеологически навязываемые историкам со стороны партийно-правительственного аппарата.

В книге И.А. Шеина этот период историографии освещён, в отличие от предыдущих историографических работ, не только по журнальным статьям, агитационным брошюрам, выступлениям на

юбилейных мероприятиях и монографиях, но, что много важнее и интереснее, по архивным документам, отложившимся в процессе подковёрной идеологической борьбы: стенограммам заседаний учёных и диссертационных советов, докладным запискам и доносам в партийные органы, письмам в редакции и из редакций, оправдательным и объяснительным запискам историков в журналы и партийные органы (с. 197–245). Особый интерес вызывает история создания академиком Е.В. Тарле новой концепции Отечественной войны 1812 года и его борьба с административно-идеологическим пресом официозной советской науки в условиях всё возмраставшего культа личности (с. 201–204, 207–213, 223–227, 231–242). По архивным материалам И.А. Шеин проследил складывание позиции по истории войны 1812 г. у И.В. Сталина и отметил её отличие от предыдущей официальной советской точки зрения, которую до конца 1930-х гг. представлял академик М.Н. Покровский (с. 205–206).

Наиболее важным и информативным является раздел книги, посвящённый формированию постсоветской историографии, её складыванию в ходе идеологической и научной дискуссии в последние годы существования СССР, а затем в процессе подготовки и проведения 200-летнего юбилея Отечественной войны. Личное знакомство автора со всеми персонажами исследования, его переписка с ними и непосредственное общение позволили ему находиться в гуще событий, быть, так сказать, «внутри» самого историографического процесса практически во всё постсоветское время. Он констатирует, что поскольку «сами публикации представляют всего лишь фасад историографии», то настоящий рассказ о её перипетиях скрыт «в переписке, свидетельствах очевидцев событий, обсуждениях, рецензиях» (с. 390). В результате И.А. Шеину удалось не просто показать механическую очердность выхода статей и книг по войне 1812 г., сопровождая их теми или иными оценками, но создать объёмное воспроизведение историографических коллизий начала XXI в., благодаря широкому цитированию различных точек зрения авторов исследований по

войне 1812 г. из документов своего личного архива.

В постсоветской историографии подверглись пересмотру многие теоретические и фактические положения советской исторической науки по вопросам Отечественной войны 1812 года. Укажу на важнейшие из них. Прежде всего это вопрос об использовании марксистско-ленинской методологии, находящийся в сфере общих проблем отечественной истории (с. 338, 344–345, 346, 376–377, 385–387, 392, 404–405). Злободневность и глубина этой проблемы вылились в конкретные формы и методы дискуссий историков по конкретным вопросам истории войны 1812 г.

И.А. Шеин довольно подробно рассказывает о генезисе и ревизии советско-марксистской методологии в историографии 1812 г. Изучение этой ревизии показывает, что, с одной стороны, она пошла по нарастающей, с другой стороны, и аргументы противников довольно сильны, что вынужден признать и сам автор. Вполне заслуженно первым историком войны 1812 г., подвергшим пересмотру как основные положения советской исторической науки об Отечественной войне, так и её утверждения по конкретным вопросам, назван Н.А. Троицкий, выпустивший в 1988 г. монографию «1812. Великий год России». На то время положения Н.А. Троицкого явились переломными в рассмотрении многих тем, а главное, вызвали не только научную, но и общественную дискуссию (с. 264–267, 289–300). Однако Н.А. Троицкий открыто декларировал свою приверженность марксистской методологии и выступал прежде всего против советско-сталинской вульгаризации истории Отечественной войны (с. 295, 338, 386).

Тем не менее даже довольно критическая позиция Н.А. Троицкого в отношении советской историографии в дальнейшем вызвала нарекания со стороны более радикального направления исторической науки. Например, А.И. Попов высказал идею о «полной несостоятельности ориентированного на классовые оценки авторского методологического подхода» Н.А. Троицкого и отметил реальные просчёты его научных трудов (с. 337–339,

344–346). В то же время Л.Л. Ивченко «в контексте развития общих методологических проблем современной историографии» указывала на стремление Н.А. Троицкого установить истину посредством механического «приращения» знаний (с. 345). И хотя высказывание Л.Л. Ивченко относилось ко второму изданию знаменитой книги Н.А. Троицкого, оно отражает важную методологическую проблему постсоветской историографии 1812 г. По моему мнению, «механическое» приращение (т.е. подбор) новых фактов к заранее продекларированной концепции есть не что иное, как «иллюстративный» метод написания истории.

Я полагаю, что реальные просчёты конкретных историков происходят не от их методологических установок, как бы это ни казалось на первый взгляд. Политико-идеологический пресс советской системы на историков войны 1812 г. вряд ли можно назвать навязыванием или господством марксистско-ленинской методологии, хотя бы потому, что реальное воплощение сталинско-советских взглядов 1930–1950-х гг. на историю не соответствует методологическим принципам марксистско-ленинской теории. Другими словами, идеологические установки советской исторической науки вряд ли можно назвать научной методологией. Поэтому, справедливо критикуя советских историков Отечественной войны, нельзя автоматически переносить эту критику и на марксистскую теорию. Кризис этой теории возник по иным причинам и имел иные проявления, нежели деятельность официальных учёных в советской исторической науке.

Безусловно, И.А. Шеин прав, призывая «не отказываться от достижений диалектико-материалистической методологии» и указывая «на неправомерность нигилистического отношения к любым научным методологическим системам» (с. 392). Однако при этом автор несколько противоречит сам себе. Описывая критические баталии вокруг книг Н.А. Троицкого, он постоянно говорит об узости его методологии, которая в конечном счёте сводится к опоре на высказывания основоположников марксизма об Оте-

чественной войне (с. 376, 386). Однако марксистско-ленинская методология не сводится к высказываниям К. Маркса или Ф. Энгельса по конкретным историческим фактам и явлениям. Методология – это мировоззрение, целая система взглядов, в которую входят, или из которой проистекают, взгляды на события, способы и методы их изучения. Значит, приверженность к цитатам классиков или периодизация историографии на основании социально-классовых принципов ещё не говорят о том, что в ходе своего исторического исследования тот или иной автор стоит на принципах марксистской методологии. Кроме того, я считаю неверным утверждение И.А. Шеина, что в «методологическом поиске увеличение арсенала новых методов изучения прошлого» происходит за счёт микроистории или имагологии (с. 388). Микроистория (изучение частной жизни или частных вопросов истории)¹ и имагология (исследование неких психолого-ситуационных аспектов, связанных с историческими явлениями или процессами) не являются методами изучения прошлого. Вообще, как мне кажется, методологическим проблемам постсоветской историографии И.А. Шеину следовало посвятить отдельную главу. Его рассказ о якобы новых аспектах «методологии» истории свидетельствует о некоторой путанице автора в теоретических вопросах, а также представляется способом прорекламировать определённые имена в историографии 1812 г., ибо все методологические споры у него, как правило, заканчиваются «победой» его знакомых и друзей. Показательное третейство И.А. Шеина в споре историков заставляет его в конечном счёте сделать неудобочитаемыми ряд заслуженных российских историков, например, Д.С. Абаляева и Л.Л. Ивченко.

Всестороннее освещение в книге получили мероприятия, проведённые российским учёным сообществом к 200-летию юбилею Отечественной войны (с. 313–333). Однако в этом перечне юбилейных мероприятий, включавшем в себя в том числе десятки научных форумов, И.А. Шейн назвал «самой крупной и статусной» международную научную конференцию, проведённую Институтом

всеобщей истории РАН 9–13 июля 2012 г., на которой выступили 67 докладчиков (с. 326). При этом в книге даже не упомянута международная научная конференция, проведённая 8–11 октября 2012 г. Институтом российской истории РАН совместно с Федеральным архивным агентством, Государственным историческим музеем и Российским историческим обществом, на которой было сделано 90 научных докладов², а по её итогам издан сборник, включивший 70 статей³.

Среди недостатков книги И.А. Шеина отмечу некоторые лакуны или неверные утверждения. Так, например, он указывает на 40 иностранных изданий известной книги Ф. Сегюра (с. 92), тогда как только в Российской национальной библиотеке хранится не менее 74 различных её иностранных изданий, осуществлённых только до 1914 г.⁴ Кроме того, автор не рассматривает отечественную литературу на иностранных языках, опубликованную российскими участниками событий или иностранцами на российской службе, в частности, брошюру Э. Пфуля, написанную в конце 1812 г. и переизданную по горячим следам в 1813 г. не менее 32 раз⁵.

Совершенно недопустимым для историографической книги я считаю легковесное утверждение автора о том, что «Л.Н. Толстой, претендуя на историческую достоверность содержания своего сочинения, в конечном счёте, фальсифицировал историческую действительность» (с. 121). Говорить о «фальсификации» Л.Н. Толстым исторической действительности неправомерно, поскольку он создавал художественную, а не историческую действительность. Термин «фальсификация» предусматривает осознанное искажение фактов, тогда как писатель создавал художественный мир романа, повинувшись внутренней творческой, лучше сказать – драматической логике, меньше всего задумываясь о каких-либо подтасовках. Среди перечня книг «о первых откликах на произведение» Л.Н. Толстого отсутствует самая важная книга, дающая представление о резонансе романа в русском обществе, в том числе и по поводу военных событий (с. 121)⁶. Приведённые автором экскурсы в белорусскую, украинскую и иностранную историографии

1812 г. не соответствуют теме монографии (с. 91–92, 335–361, 361–364).

В целом монография И.А. Шеина – важное явление современной историографии Отечественной войны 1812 года и послужит незаменимым пособием как для нынешнего, так и для последующих поколений историков, своего рода путеводителем по обширной отечественной литературе, посвященной этому событию. Приветствуя выход нового исследования хочется выразить пожелание, что за этим историографическим трудом последует подготовка и издание автором наиболее полного указателя литературы об Отечественной войне 1812 года, базирующегося на его монографии.

К.Б. Жучков

Примечания

¹ Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 193.

² См.: Петров Ю.А., Мельникова Л.В. Международная научная конференция «Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы» // Российская история. 2013. № 4. С. 208–214.

³ Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Международной научной конференции (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013.

⁴ Антонов В.В., Яковлева И.Г. Дореволюционные издания по истории СССР в иностранном фонде ГПБ. Систематический указатель. Вып. IV. Отечественная война 1812 г. Участие России в кампаниях 1813–1814 гг. СПб., 1993. С. 49, 86–90.

⁵ Там же. С. 112, 113–116.

⁶ Роман Л.Н. Толстого «Война и мир» в русской критике: Сборник статей. Л., 1989.

В.О. Ключевский. Лекции по истории Западной Европы в связи с историей России / Под ред. Р.А. Киреевой. М.: Русская панорама, 2012. 504 с., ил.

Большинство людей, в той или иной степени интересующихся историей, порой даже профессиональные исследователи, искренне убеждены, что Василий Осипович Ключевский занимался исключительно историей России. Между тем преподавательская деятельность автора знаменитого «Курса русской истории» началась с чтения лекций по всеобщей истории в московском Александровском военном училище. Отчасти это было вынужденным шагом В.О. Ключевского. После окончания Московского университета в 1865 г. он остался при кафедре для подготовки к профессорскому званию и начал работу над магистерской диссертацией о древнерусских житиях святых. На подготовку диссертации ушло в общей сложности шесть лет вместо предполагавшихся двух. Поскольку выплачивать стипендию молодому учёному прекратили, он начал искать постоянную работу. В этом ему помог преподававший в Александровском военном училище С.М. Соловьёв, по рекомендации которого в 1867 г. Василий Осипович стал там репетитором старших классов. Однако учебным планом учи-

лища изучение истории России не предусматривалось, поэтому талантливому ученику Соловьёва пришлось читать курс всеобщей истории.

И хотя уже в 1871 г. В.О. Ключевский стал преподавать русскую историю в Московской духовной академии, в следующем году – на Высших женских курсах, а после смерти С.М. Соловьёва в 1879 г. занял кафедру в Московском университете, он не прерывал чтения курса всеобщей истории в Александровском училище до 1884 г. (когда эту дисциплину исключили из учебного плана). Учёный занимался ею и в первой половине 1890-х гг., будучи преподавателем «Новейшей истории Западной Европы в связи с историей России» сына Александра III вел. кн. Георгия Александровича (1871–1899).

Лекции по этой проблематике В.О. Ключевский читал почти 20 лет. Удивительно, но они так и не вошли в собрания сочинений историка, изданные в годы хрущёвской «оттепели» и горбачёвской «перестройки»¹, и на протяжении десятилетий оставались недоступными для широкого читателя. При этом специа-